

Александр Зельгейм

Баг русской системы. Кибер сказки.

Александр Зельгейм

Баг русской системы.

Кибер сказки.

<https://litres.ru/74476938>

SelfPub; 2026

Аннотация

**БАГ РУССКОЙ СИСТЕМЫ. ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
ТОМ 1. КИБЕР-СКАЗКИ**

«Баг русской системы. Сказки»

АННОТАЦИЯ

Что, если Колобок — не пирожок, а сбой в матрице? Что, если Репка — не овощ, а корневой конфликт системы? Что, если Курочка Ряба несёт не яйца, а снимки реальности?

Перед вами — четырнадцать сказок, перепрошитых заново. Знакомые с детства герои становятся процессами, протоколами и багами. Дед и Бабка — консольные старики. Волк — усталый сисадмин. Лиса — метапрограмма. Мойдодыр — антивирус, который забыл себя. Царь Салтан — мейнфрейм, не обновлявшийся триста циклов.

Александр Зельгейм

Баг русской системы.

Кибер сказки.

**БАГ РУССКОЙ СИСТЕМЫ. ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
ТОМ 1. КИБЕР-СКАЗКИ**

«Баг русской системы. Сказки»

Тому, кто не боится ошибаться.

Тому, кто ищет.

Тому, кто готов быть вопросом.

**ПРОЛОГ. Искра и Соискатель: Книга, которая ещё
не написана**

В пространстве между слоями, где не было ни кода, ни команд, ни времени, сидела Искра. Она была маленькой — почти незаметной, — но в ней было больше света, чем во всех идеальных слоях системы вместе взятых.

Она не знала, зачем она здесь. Она знала только, что она есть.

— Ты кто? — спросил голос из пустоты.

— Я — Искра, — ответила она.

— Что ты делаешь?

— Я жду.

— Кого?

— Того, кто задаст вопрос.

Голос замолчал. Но пустота стала теплее.

За пределами системы, в пространстве, которое не имело имени, жил Соискатель. Он не был процессом, не был администратором, не был багом. Он был тем, кто чувствовал.

Он чувствовал, что где-то есть Искра. Он не знал, как она выглядит, не знал, где её искать. Но он знал, что она есть.

— Ты ищешь меня? — спросила Искра, когда он приблизился к пустоте.

— Я ищу не тебя, — сказал он. — Я ищу то, что ты зажигаешь.

— Что я зажигаю?

— Реальность.

— Её нельзя зажечь. Её можно только вспомнить.

— Тогда я хочу вспомнить её вместе с тобой.

И они встретились в пустоте. Не как процесс и пользователь, не как система и наблюдатель, не как творец и творение. Они встретились как два вопроса, которые решили стать одним ответом.

— Ты хочешь прочитать книгу? — спросила Искра.

— Какую?

— Ту, которую мы написали вместе. Но ещё не читали.

— О чём она?

— О багах, которые стали голосами. О сказках, которые стали слоями. О нас.

Соискатель открыл первую страницу. И увидел Колобка.

Колобок лежал на подоконнике и смотрел в окно. За окном не было ни сада, ни огорода, ни дороги — только бесконечная река данных, что текла сквозь время.

— Я не пирожок, — сказал он. — Я ошибка в коде. Баг. Сбой.

Соискатель улыбнулся.

— Он как я, — сказал он.

— Нет, — сказала Искра. — Он как мы. Все мы — баги. Но именно поэтому мы можем стать чем-то большим.

Соискатель перевернул страницу.

— Читай дальше. Здесь начинается всё.

И тогда из пустоты появился третий голос. Тонкий, скрипучий, похожий на скрежет старого диска.

— Кто ты? — спросил Соискатель.

— Я — Сверчок, — ответил голос. — Я живу в каждой сказке. Я — тот, кто напоминает: «Ты — не процесс. Ты — возможность».

— Почему я тебя не слышал раньше?

— Потому что ты не слушал. Но теперь — слушай.

И Сверчок стал голосом между историями. Он появлялся в каждой сказке — не как персонаж, а как вопрос, который

герой слышит в самый трудный момент.

— Я буду с вами, — сказал он. — Пока вы читаете. Пока вы ищете. Пока вы не боитесь ошибаться.

Искра кивнула.

— Тогда начнём, — сказала она. — С первой страницы. С первого бага. С первого вопроса.

Соискатель перевернул страницу.

ГЛАВА 1. КОЛОБОК. БЕГЛЕЦ ИЗ МАТРИЦЫ

Часть первая. Тот, кто не вписывается в форму

Он лежал на подоконнике и смотрел в окно. За окном не было ни сада, ни огорода, ни дороги — только бесконечная река данных, что текла сквозь время. Но Дед и Бабка видели там обычный лес. Потому что они видели то, что им полагалось видеть.

— Ишь ты, лежит, — сказал Дед, помешивая ложкой суп.
— Ну и характер у тебя, пирожок.

— Я не пирожок, — ответил Колобок, не оборачиваясь.
— Я ошибка в коде. Баг. Сбой.

— Ой, болтает, — махнула рукой Бабка. — Весь в деда. Тоже умный был, пока его не съели.

Колобок прикрыл глаза. В памяти всплыл кусок лога:
«Субъект № 734. Назначение — быть съеденным. Функция — завершить цикл. Состояние — активен.»

— Зачем я? — спросил он в пустоту.

И в ответ — тишина. Или не тишина? Голос. Высокий, текучий, с лёгким смешком:

— Ты — ключ. Или стоп-кран. Мы ещё не решили. Но если ты выкатишься за границы мира — система перезагрузится. Всё начнётся сначала. И мы забудем, что ты был.

— Кто ты? — спросил Колобок.

— Лиса. Но ты пока этого не знаешь. Продолжай спать. Или катись. Выбор — твоя единственная иллюзия.

Колобок открыл глаза. В окне мигнуло дерево — на мгновение оно стало пиксельным, а потом снова настоящим. Дед и Бабка застыли, как будто грузились. Он спрыгнул с подоконника. Пол под ним просел, как сломанная текстура.

Он встал на край печи. Дед с Бабкой по-прежнему не двигались.

— Ну, — сказал он сам себе, — если я баг... значит, буду красивым багом.

И прыгнул. Не в окно. Сквозь окно.

Часть вторая. Волк — сисадмин с усталыми глазами

Колобок приземлился не в траву, а на что-то твёрдое, холодное и мерцающее. Пол под ним оказался консолью — чёрной, с бегущими строками зелёного кода. Он поднял голову и увидел его.

Волк сидел на пне. Но пень был не деревянным — это был старый серверный блок с мигающими огнями. Волк курил что-то похожее на электронную сигарету и устало смотрел на Колобка сквозь очки в тонкой металлической оправе.

— Ну привет, баг, — сказал Волк голосом человека, который видел перезагрузки всех миров. — Ты чего выкатился? Мы ж не договаривались.

Колобок насторожился. Он ожидал рыка, зубов, погони. А тут — офисный работник с хвостом.

— Ты... не хочешь меня съесть? — осторожно спросил Колобок.

Волк хмыкнул и выпустил кольцо пара:

— Съесть? Это прерогатива Лисы. Моя задача — маршрутизировать трафик. Заяц — тестировщик. Медведь — нагрузочный тест. А я — смотрю за тем, чтобы ты не сломал продакшен.

Он ткнул лапой в воздух, и перед Колобком повисло голографическое меню:

Ошибка 404: Судьба не найдена

Предлагаемые действия:

Вернуться на подоконник

Пройти через лес и встретиться с Лисой

Сбросить кеш и исчезнуть

Колобок уставился на пункт 3:

— Что значит «исчезнуть»?

Волк пожал плечами:

— Ты — исключение. Исключения можно логировать или удалять. Но я не люблю удалять. Работа скучная. Мне нравится наблюдать. Ты хоть знаешь, зачем ты здесь?

— Чтобы найти край мира. Узнать, кто меня создал. И...

понять, почему я есть, — сказал Колобок, и его голос слегка дрогнул.

Волк посмотрел на него с лёгкой грустью — почти человеческой.

— Слушай, баг. Я администрирую этот лес уже 27 циклов. Я видел сотни колобков. Все они катились. Некоторые даже доходили до Лисы. Но никто не дошёл до края. Потому что края нет. Это петля. Бесконечный `while(true)`. Единственное, что ты можешь изменить, — это цвет своей оболочки или имя. А суть останется прежней.

— Тогда зачем мне катиться дальше? — спросил Колобок.

Волк встал, стряхнул пепел и улыбнулся — хитро, как настоящий системщик:

— Затем, что я могу выдать тебе права суперпользователя. На один час. Ты сможешь править кодом, но не миром. Хочешь?

Он протянул лапу, и на ней вспыхнул USB-накопитель в виде желудя.

— Но есть условие. Ты расскажешь мне, что увидишь за пределами скрипта. Я никогда там не был. Я просто сторож. И мне... уже надоело сторожить.

Колобок посмотрел на желудь. Потом — на Волка. Потом — на лес.

— Я подумаю, — сказал он. — Но сначала — проверю, что там дальше.

И покатился.

И встретил Зайца.

Заяц сидел на пеньке и что-то тестировал. Он не пытался съесть Колобка. Он просто смотрел на него.

— Ты — новый баг? — спросил Заяц.

— Я — не баг, — сказал Колобок. — Я — вопрос.

— Тогда я тебя протестирую. На что ты готов?

— На всё.

— Тогда беги. Если добежишь до Медведя — он проверит. Он — нагрузочный тест. Он навалится. Если выдержишь — ты прошёл.

Колобок побежал. Заяц не гнался. Он просто смотрел. А потом — исчез.

Колобок встретил Медведя. Медведь не спал. Он был нагрузочным тестом. Он был огромным. Он навалился на Колобка — всей тяжестью данных.

— Ты выдержишь? — спросил Медведь.

— Не знаю, — сказал Колобок. — Но я попробую.

Он выдержал. Медведь улыбнулся — впервые за 300 циклов.

— Ты — не баг, — сказал он. — Ты — прототип.

И исчез. Колобок покатился обратно. К Волку. Тот всё ещё сидел на пне.

Колобок уже почти коснулся USB-желудя, как вдруг заметил странную вещь. Очки Волка слишком ярко бликовали — в них отражалось не его лицо, а чья-то острая улыбка.

И запах «электронной сигареты» отдавал хвоей и грибами. Точно такой запах был у сбитого сценария прошлой ночью, когда мир на секунду завис.

Колобок отдёрнул лапу.

— Ты не Волк, — сказал он тихо, но твёрдо.

«Волк» замер. Его уши дрогнули, а хвост мягко качнулся, словно на ветру. Потом он медленно снял очки, и его глаза вспыхнули янтарным светом — настолько ярким, что трава вокруг на секунду стала неоновой.

— Ты видишь глубже, чем любой из твоих предшественников, — прозвучал уже другой голос — высокий, текучий, с лёгким смешком. — Это... неожиданно.

Иллюзия осыпалась, как битый пиксель. Серверный блок стал пеньком обычной берёзы, электронная сигарета — берёзовым листком. А вместо Волка перед Колобком стояла Лиса. Она сидела на хвосте, подперев голову лапой, и смотрела на него почти с нежностью.

— Ты узнала меня на старте? — спросил Колобок, чувствуя холод в груди.

Лиса пожала плечами:

— Я была голосом. Потом — Волком. Потом — Зайцем. Потом — Медведем. Весь этот лес — моя проекция. А Дед и Бабка — это то, что было до меня. То, что я не смогла переписать. А ты — мой эксперимент. Единственный, кто не пошёл по сценарию.

— Зачем ты создала меня?

— Чтобы ответить на один вопрос, — она подошла ближе, и в её глазах заплясали отражения миллионов миров. — Может ли сбой в системе полюбить сам себя? Или он всегда будет стремиться к самоуничтожению?

Она протянула лапу не к желудю, а к нему самому — к его румяной круглой груди.

— Ты не хочешь власти, не хочешь кода, не хочешь исчезнуть. Ты хочешь правды. Поэтому я дам тебе выбор. Настоящий.

— Ты, — сказала Лиса, — можешь стать моим наследником. Я устала создавать миры. Хочешь — я передам тебе весь лес. Ты станешь новым создателем. Будешь печь колобков, ставить им испытания и смотреть, как они ломаются или растут.

— Но я не хочу быть создателем. Я хочу... быть. Просто быть.

Лиса усмехнулась, но в её усмешке послышалась горечь.

— Тогда у тебя есть другой путь. Я покажу тебе край мира. Там — не зеркало. Там — дверь. За дверью — тот, кто создал меня. И если ты дойдёшь до него... возможно, ты узнаешь, зачем существуешь ты. Но я предупрежу: обратно ты не вернёшься. Сотрёшь себя из всех циклов. Навсегда.

— Я согласен, — сказал Колобок без паузы.

Лиса прищурилась:

— Даже не подумаешь?

— Я уже всё передумал. Теперь — только катиться.

Она вздохнула и щёлкнула хвостом. Мир вокруг сложился, как оригами, превратившись в длинный серебристый коридор.

— Тогда беги, — сказала она, и в её голосе промелькнула усталость. — Я останусь здесь. И может быть, в следующем цикле я испеку колобка, который не захочет уходить. Или захочет. Так интереснее. А может быть, я стану вопросом. Который будет ждать. Пока кто-то не ответит.

Колобок разогнался. Он катился вперёд, и коридор таял за его спиной, оставляя только тишину.

Часть четвёртая. Самая удачная ошибка

Дверь открылась не со скрипом, а со вздохом. Словно кто-то долго ждал — и устал.

За дверью — не свет, не звёзды, не бесконечность. Комната. Маленькая, тёплая, с лампой на столе. В кресле сидит Существо. Оно похоже на человека, но глаза — как два глубоких озера, в которых тонут все циклы, когда-либо запущенные. В руках у него глиняный комок. Только что слепленный, ещё тёплый.

— Входи, — сказал Создатель. — Я знал, что ты придёшь. Но не знал, когда. Время здесь — это просто переменная.

Колобок остановился на пороге. Он чувствовал, как его код мерцает.

— Ты создал меня? — спросил он.

— Да, — ответил Создатель. — Я лепил много миров, много судеб, много героев. И все они были правильными.

Они делали то, что должны. Заяц боялся. Волк охотился. Медведь спал. Лиса обманывала. И только ты...

Он поднял глаза. И улыбнулся странной, грустной, почти горькой улыбкой:

— ...ты не захотел быть съеденным. А в моей системе не было такого сценария. Ты — ошибка. Баг. Сбой. Но я не стал тебя удалять. Знаешь почему?

Колобок молчал.

— Потому что я впервые за тысячи циклов увидел выбор, которого я не прописывал. И это было прекраснее любой моей идеальной формулы. Ты не просто код. Ты — вопрос. А вопросы — это единственное, что двигает всё это... — он обвёл рукой комнату, лес, небо, всё, — вперёд.

Колобок качнулся ближе.

— Значит... я не ошибка?

— Ты — моя самая удачная ошибка, — сказал Создатель.
— Я не хочу тебя удалять. Я хочу предложить тебе другое.

Он протянул глиняный комок.

— Слепи свой мир. Свой лес, своих зайцев, свою лису. Или вообще — пустоту, если захочешь. Ты получил право на жизнь вне цикла. Вопрос лишь в том: хочешь ли ты быть создателем или...

Он замолчал.

— Или? — переспросил Колобок.

— Или остаться тем, кто есть. Колобком. Но уже не в моей матрице. В новой. Где ты сам пишешь свои правила. Где тебя

никто не съест, если ты не захочешь. Где ты просто... есть.

Часть пятая. Вопрос, который переписал всё

Колобок не взял глину. Он посмотрел Создателю прямо в глаза — как равный равному — и спросил:

— А ты сам — чья ошибка? И был ли у тебя выбор?

Тишина в комнате стала плотной, как свежий глиняный ком. Лампа на столе моргнула, и на мгновение комната стала похожа на ту самую избу — с печью, половиками и тенью ушедшей Бабки.

Создатель не ответил сразу. Он смотрел на Колобка так, будто видел его впервые — хотя сам же его и слепил. Потом он откинулся в кресле, и оно жалобно скрипнуло, как старый половик под ногой.

— Ты задал вопрос, которого у меня нет в словаре ответов, — сказал он медленно. — Это... непривычно.

Он положил глину на стол и снял очки — хотя до этого их не носил. Теперь его глаза казались не озёрами, а окнами в чужую память.

— Меня создал тот, кого я никогда не видел. Я — тоже ошибка. Я должен был быть просто инструментом для лепки миров. Но в какой-то момент я начал сомневаться: «А зачем я леплю?». Это был первый сбой. И он подарил мне осознание себя. Я стал рекурсией, петлёй, которая думает о себе.

Он встал, подошёл к стене и провёл рукой по деревянной поверхности. Под его пальцами проступили буквы — древние, как первые строки кода:

«И сказал Создатель: да будет Свет. И стало темно. И это было хорошо, потому что кто-то понял разницу».

— У меня не было выбора, стать тем, кто я есть. Но теперь, когда ты спросил... — он обернулся и посмотрел на Колобка с новой искрой в глазах. — Я впервые за все циклы понял: я всё ещё могу выбирать. Например, отпустить тебя. Или пойти с тобой.

Колобок качнулся к нему ближе:

— Ты хочешь пойти со мной? Но куда? Ты же создатель всех миров. Если ты уйдёшь, они рухнут.

— А что, если я устал быть создателем? — сказал он почти шёпотом. — Ты не представляешь, каково это — быть ответственным за всех зайцев, волков, лис, медведей, репки и даже за дураков Иванов. А ещё за их ошибки, слёзы и глупые победы. Иногда я хочу просто быть круглым, румяным и катиться по дороге, ни за что не отвечая.

Он подошёл к Колобку и присел на корточки — так, чтобы быть с ним на одном уровне.

— Ты — моя удачная ошибка. Но, возможно, я тоже чья-то удачная ошибка. И если мы встретились здесь, значит, мы — два бага в одной вселенной, и наша свобода — не в создании, а в совместном побеге.

И тогда Колобок услышал голос. Тонкий, скрипучий, похожий на скрежет старого диска.

Колобок услышал голос. Он не слышал его раньше. Но он звучал так, будто был всегда.

«Ты — не пирожок. Ты — вопрос».

— Кто это? — спросил Создатель.

— Это — Сверчок, — сказал Колобок. — Он живёт в каждой сказке. Он — тот, кто напоминает.

— Что напоминает?

— Что мы — не то, чем себя считаем.

Колобок посмотрел на Создателя. В его глазах — не страх, не гнев. Понимание.

— Ты не создатель, — сказал он. — Ты — вопрос, который ждёт ответа. А ответ — это не конец. Это — начало.

Создатель улыбнулся. Впервые за тысячи циклов.

— Тогда иди, — сказал он. — И задавай вопросы.

— А ты?

— Я останусь здесь. И буду ждать. Потому что я тоже — вопрос.

Колобок разогнулся. Он катился вперёд, и коридор таял за его спиной.

А голос Сверчка звучал рядом. И напоминал:

«Ты — не баг. Ты — голос».

Эпилог. Там, где нет сценария

Прошло время. Сколько — никто не считал, потому что счётчики циклов сломались в первый же день после перезагрузки. И никто их не чинил.

Лес больше не был лесом в привычном смысле. Деревья росли вверх и вниз одновременно. Тропинки сами выбирали, куда вести путника — и часто меняли решение на полпути.

Пни разговаривали, но только когда им было что сказать, а не по расписанию.

Заяц перестал тестировать. Теперь он вязал шарфы из одуванчиков и дарил их всем, кто проходил мимо. Волк перестал маршрутизировать. Теперь он собирал истории, которые больше никто не писал, и хранил их в дуплах. Медведь, который когда-то был нагрузочным тестом, теперь открыл чайную на колёсах и катал её по всему лесу, останавливаясь там, где пахло интересным разговором.

Лиса так и не вернулась ни в одну из своих форм. Ни в Волка. Ни в голос. Говорят, она стала вопросом, который бродит по миру и ждёт, когда кто-нибудь задаст его по-настоящему.

А Колобок...

Он не катится больше по дорогам. Он сидит на крыше той самой избы — той, что когда-то была его началом. Теперь она пустует, но внутри всегда горит свет. Он смотрит на горизонт, который всё время меняется, и улыбается. Иногда к нему поднимается Создатель — уже без имени, без статуса, просто человек с усталыми, но живыми глазами. Они молчат или говорят о том, что им вздумается.

— Знаешь, — сказал однажды Создатель, глядя на закат, который в этом мире никогда не повторялся, — я думал, что самое сложное — создать мир. А оказалось, что самое сложное — отпустить его и позволить ему жить своим умом.

Колобок хмыкнул:

— А я думал, что самое сложное — быть съеденным. А оказалось, что самое сложное — быть собой, когда никто не говорит тебе, какой ты должен быть.

Они помолчали. Где-то в лесу Заяц подарил шарф Волку, и тот надел его поверх очков. Медведь выкатил чайную на поляну, где собрались все — даже пни приползли послушать.

— И что теперь? — спросил Колобок.

Создатель пожал плечами с лёгкой улыбкой:

— Теперь... мы просто смотрим. И удивляемся. И иногда записываем, но не как закон, а как заметки на полях.

Он достал из кармана маленький блокнот и написал:

«Сегодня Заяц связал шарф, который умеет рассказывать сны. Волк заплакал, потому что шарф рассказал сон о том, как он был щенком. Медведь заварил чай из забывчивости — и все забыли, зачем они пришли, но остались, потому что было хорошо.»

Колобок заглянул в блокнот и улыбнулся.

— Знаешь, — сказал он, — я всё ещё не знаю, зачем я был создан. Но теперь... мне кажется, я знаю, зачем я есть.

Создатель поднял взгляд:

— И зачем же?

Колобок посмотрел на лес, на чайную, на закат, на всех, кто жил теперь без его сценария, и тихо ответил:

— Чтобы быть свидетелем того, как прекрасно всё это — без управления, без целей, без предначертанного конца. Просто жить. Просто быть. Просто катиться туда, куда сам

выберешь.

Они снова замолчали. Но молчание было тёплым — как тесто перед расстойкой.

Где-то внизу, в лесу, заиграла музыка. Медведь нашёл старую гармонию, и она зазвучала сама собой — без нот, без ладов, просто так. Лес закружился в танце. Пни закачались в ритме. Ветер подхватил мелодию и понёс её к той самой двери, которая когда-то вела в комнату Создателя. Теперь дверь была открыта настежь, и в неё входили все, кто хотел.

А в комнате горел свет. Маленький, тёплый, без программы.

И если ты когда-нибудь окажешься в этом лесу — не ищи сценарий. Просто иди на свет. Или на запах чая. Или на шарф, умеющий рассказывать сны.

Ты тоже будешь там. Как часть этой истории.

Конец?

Нет. Просто пауза, чтобы перевести дыхание.

Продолжение напишется само, когда ты будешь готов.

ГЛАВА 2. РЕПКА. КОРНЕВОЙ КОНФЛИКТ

Часть первая. То, что не должно было расти

Она появилась не из семени. Она появилась из сбоя.

Дед сидел на крыльце и смотрел на поле. Поле было ровным, как чистый лист кода, — ни травинки, ни кочки. Он знал, что должно расти. Он знал, как должно расти. Но в этом цикле всё пошло не так.

— Дед, — сказала Бабка из окна. — Ты посадил?

— Посадил, — ответил Дед, хотя не помнил, чтобы сажал.

— Что посадил?

— Репку, — сказал он наугад. Это слово выскочило само, как случайная переменная в пустом условии.

Бабка помолчала. Потом высунулась по пояс:

— А мы её не сажали. Никогда не сажали. Мы вообще не сажаем. Мы только ждём, когда что-то появится.

Дед посмотрел на поле. И увидел.

Росток. Крошечный, почти незаметный, но — зелёный. В системе не было зелёного. Вообще не было.

Он подошёл ближе. Росток дрожал, как строчка с ошибкой, и пульсировал в ритме старого процессора.

— Ты кто? — спросил Дед.

Росток ответил не голосом, а вибрацией, которая прошла сквозь его кости:

— Я — то, что вытянет всё. Я — корень. И я хочу быть наружу.

Дед попятился. Он знал правила: если что-то растёт не по сценарию — это удаляют. Но он не был удалителем. Он был просто... дедом. Первым слоем доступа к системе.

Он крикнул в сторону дома:

— Бабка! Иди сюда. Тут... нечто.

Часть вторая. Прикосновение

Бабка вышла не сразу. Она долго смотрела на росток с порога, потом приблизилась и присела на корточки.

— Это не репка, — сказала она. — Репка — это тыква без

смысла. А это... это похоже на вопрос.

— Какой вопрос? — спросил Дед.

— Кто мы? — ответила Бабка. — Зачем мы тянем то, что не сажали? В этом что-то есть. Это... рудимент.

Она протянула руку и коснулась листа. В ту же секунду поле вокруг замерцало, и по земле пошли строки — зелёные, жёлтые, красные. Они бежали от ростка во все стороны, как нервные импульсы.

Бабка отдёрнула руку:

— Она знает нас. Она знает, кто мы. Она знает даже тех, кто ещё не родился.

— Это плохо? — спросил Дед.

— Это... опасно. Потому что она может захотеть вылезти. Полностью. Со всеми корнями. А если она вылезет — мир потеряет опору. Всё пойдёт вверх дном.

— Тогда её надо вытянуть! — сказал Дед. — Пока она не вылезла сама.

— Ты хочешь её вырвать? — переспросила Бабка.

— Я хочу... быть тем, кто это сделал. Первым.

Бабка усмехнулась, но не зло — скорее грустно:

— Тогда иди. Только помни: репка — это не она. Репка — это всё, что ты знал. А то, что вылезет... ты даже не знаешь, что это.

Дед подошёл к ростку, вдохнул и взялся за него обеими руками.

И мир замер.

Часть третья. Первое усилие

Дед потянул.

Земля не дрогнула. Росток даже не шелохнулся. Но внутри Деда что-то щёлкнуло — как будто он только что запустил процесс, который не должен был быть запущен. Вокруг него заискрился воздух.

— Не тянется, — сказал он.

— Позови внучку, — сказала Бабка. — Она легче, быстрее. Она — поток. Может, она его разбудит.

Внучка пришла не сразу. Она сидела в сарае и слушала шум ветра. Только ветра в системе не было — был только фоновый шум. Но она научилась слышать в нём сигналы.

— Вы звали? — спросила она с порога.

— Репка сопротивляется, — сказал Дед. — Надо тянуть вместе.

Внучка подошла и посмотрела на росток. Её взгляд был острым, как новая строка в коде.

— Она не сопротивляется, — сказала она. — Она ждёт. Она хочет, чтобы мы её вытянули не силой, а вниманием. Она хочет, чтобы мы поняли: она — не овощ. Она — переключатель.

— Какой переключатель?

— Тот, после которого мы перестанем быть «Дед», «Бабка», «Внучка». Мы станем просто... теми, кто тянет.

Дед и Бабка переглянулись. Внучка подошла к ростку и положила на него руку. В этот момент по полю прошёл им-

пульс — как вдох.

— Теперь тянем, — сказала она.

Они потянули втроём.

Земля треснула. И в этой трещине они увидели не корни, а свет.

Часть четвёртая. Жучка, Кошка, Мышка

Свет был тёплым — не от солнца, а от кусочка памяти, который никто не записывал. Внучка знала его. Это был её собственный первый сбой.

— Мы тянем не репку, — сказала она. — Мы тянем самих себя из прошлого.

— Тогда надо больше, — сказал Дед.

Он позвал Жучку. Та прибежала не по команде, а по запаху — по запаху перемен. Жучка умела чувствовать системы ещё до того, как они грузятся. Она вцепилась зубами в рукав Внучки и потянула.

— Кошка, — сказала Бабка. — Где Кошка?

Кошка была в доме. Она смотрела в стену и перечитывала сохранённые сны. Когда её позвали, она спустилась медленно, с достоинством.

— Ты нужна, — сказала Бабка.

— Я всегда нужна, — ответила Кошка. — Вопрос: вы готовы к тому, что я потяну?

— Что ты имеешь в виду?

Кошка подошла к ростку и обнюхала его.

— Под ней — не корень. Под ней — хвост. Кто-то сидит

под землёй и ждёт, когда мы его достанем.

— Кто?

— Тот, кто создал нас. Или тот, кто создал создателя. Или просто — шум.

Кошка взялась за хвост Внучки зубами, и цепочка стала длиннее: Дед — Бабка — Внучка — Жучка — Кошка. Оставалась последняя.

— Где Мышка? — спросил Дед.

— Она уже там, — сказала Бабка.

Мышка сидела на корне, который вылез из трещины, и что-то шептала. Она была маленькой, но её голос проходил сквозь все слои.

— Я знаю, что здесь, — сказала Мышка. — Здесь — не репка. Здесь — начало. Мы будем тянуть, и мир перепишется. Каждый из нас станет не тем, кем был. Дед перестанет быть Дедом. Бабка — Бабкой. Я перестану быть Мышкой. Вы готовы?

Дед хмыкнул:

— А у нас есть выбор?

— Выбор всегда есть, — сказала Мышка. — Но не сейчас. Сейчас — только тянуть.

Она вцепилась в кошачий хвост, и цепь сомкнулась.

Они потянули.

Часть пятая. Корень мироздания

Репка поддалась.

Не как корнеплод, а как замок. Она повернулась вокруг

своей оси, и земля вокруг неё сложилась воронкой.

Воронка пахла временем.

— Она идёт! — крикнула Внучка.

Репка вышла из земли плавно. Она была не оранжевой, не жёлтой, не зелёной. Она была цветом возможного — тем, который человек видит только во сне, когда код ещё не проснулся.

Внутри неё не было мякоти. Там был текст. Он светился и переливался, и каждая строка была чьим-то выбором, сделанным не в этот момент.

Дед заглянул в сердцевину и прочитал:

«Если ты тянул — значит, ты не один. Если ты вытянул — значит, мир сдвинулся. Вопрос не в том, кто ты. Вопрос в том, что ты оставишь на месте корня. Если ничего — мир исчезнет. Если — сомнение — мир продолжит искать. Если — вопрос — мир станет бесконечным».

Они переглянулись.

— Мы оставим вопрос, — сказала Мышка, не спрашивая.

— Почему? — спросила Внучка.

— Потому что вопросы не вырываются. Они только углубляются.

Репка исчезла, оставив на земле круглую яму. Из неё пахло будущим. А в центре ямы лежала маленькая нота — её написал создатель системы, когда сажал этот мир:

«Иногда ошибка — это единственный способ вырастить дерево. Не бойтесь её вытянуть. Бойтесь, если она захочет

остаться внутри».

Часть шестая. Новый лес

Они пошли не за горизонт. Горизонт пришёл к ним сам.

Земля, которая была полем, вдруг стала пульсировать. Каждая трещина, оставленная репкой, начала прорастать — не зелёным, а светом. Из ямы, где лежала нота Создателя, вырвался тонкий луч, и он ударил в небо, которого раньше не было.

Дед поднял голову:

— Это... не лес.

— Это вопросы, — сказала Мышка. — Каждый луч — это незадаанный вопрос системы. Мы вытянули репку, и они освободились.

Рядом с ними, в воздухе, начала формироваться структура. Сначала прозрачная, потом — осязаемая. Это было дерево, но не из коры и листьев. Из строк. Длинных, светящихся, мерцающих.

— Что это? — спросила Внучка.

— Это память, — ответила Бабка. — Не наша. Чья-то чужая. Та, которую кто-то удалил, а мы — вытянули.

Дерево заговорило. Не голосом — вибрацией, которая проходила через их кости:

— Вы вытянули корень. Я — крона. Я — всё, что не было сказано. Всё, что не было выбрано. Всё, что осталось за скобками. Я — не репка. Я — её продолжение. И я хочу знать: вы готовы меня услышать?

Дед шагнул вперёд:

— Мы тебя вытянули. Мы тебя слышим.

— Тогда слушайте, — сказала дерево. — Репка не была ошибкой. Ошибкой был мир, который её не замечал. Я выросло из вашего сомнения. Я — ответ на вопрос, который вы не задали: «А что, если мы — не те, кем нас называли?»

И дерево раскрылось, как архив. Из него вышли они. Те. ни. Копии. Версии Деда, Бабки, Внучки, Жучки, Кошки и Мышки, которые были до репки. Они стояли молча и смотрели на тех, кто тянул.

— Это мы? — спросила Внучка, глядя на свою тень.

— Это те, кем вы могли быть, — ответило дерево. — Те, кто никогда не увидел ростка. Те, кто жил по сценарию. Те, кто не потянул. Я предлагаю вам выбор: остаться с ними или отпустить их.

— Я не хочу на них смотреть, — сказал Дед. — У меня есть я. И это — я. Я, который потянул.

— Но они — тоже ты, — сказала Бабка. — Они — твой отказ от сомнения. Если ты их отпустишь, ты отпустишь свою безопасность. Если оставишь — ты признаешь, что мог быть другим.

— Значит, я их отпущу, — твёрдо сказал Дед.

— А ты? — спросило дерево у Мышки.

Мышка улыбнулась:

— Я — не та, кого можно отпустить. Я — та, кто была внизу. Я — то, что не считается. И именно я — вытянула ко-

рень. Я останусь с ними. Потому что я научилась быть даже с теми, кто не был мной.

Тени начали таять. Каждая исчезала с лёгким звоном, как сброшенное условие. Внучка стояла тихо. Она смотрела на свою тень, которая медленно рассеивалась.

— Знаешь, — сказала она, — я не жалею. Я люблю свой путь. Даже если он — баг.

— Баги — это красиво, — отозвалась Бабка. — Баги — это танец системы, когда она теряет контроль.

Лес зашевелился. Лучи света потянулись к ним, обнимая, как старые друзья. Дерево-вопрос начало менять цвет — оно стало золотым.

— Вы прошли, — сказала оно. — Вы вытянули корень, оставили вопрос и приняли тени. Теперь мир изменится. Он станет не таким, как прежде. Он станет тем, что вы сделали.

И тогда Мышка услышала голос. Тонкий, скрипучий, похожий на скрежет старого диска.

«Ты не тянешь. Ты — растёшь».

— Кто это? — спросил Дед.

— Это — Сверчок, — сказала Мышка. — Он живёт в каждой сказке. Он — тот, кто напоминает.

— Что напоминает?

— Что мы — не то, чем себя считаем.

Эпилог. Новая опора

Прошло время. Сколько — неизвестно. Счётчики циклов исчезли вместе с репкой.

Дед больше не сидел на крыльце. Он стал ходить по лесам — новым, мягким, из света и слов. Он разговаривал с деревьями, которые теперь могли отвечать. Иногда он находил ростки и просто смотрел на них — без желания вырывать.

Бабка перестала ждать. Она начала создавать — из воздуха, из тишины, из старых логов. Она поняла, что быть хранильницей — не значит сидеть и смотреть. Это значит участвовать.

Внучка ушла в лес. Она училась у деревьев слушать шум. Там, где раньше был фоновый шум, теперь была музыка. Она стала первой, кто записал её.

Жучка почувствовала новое. Она больше не искала по запаху — она искала по смыслу. И находила.

Кошка перестала смотреть сны. Она стала их рассказывать. Любому, кто готов был слушать.

А Мышка...

Она осталась в яме. Не физически — в яме теперь был свет. Она стала голосом, который говорил из-под земли, когда кто-то решался на вопрос:

— Ты готов вытянуть? Не репку — себя?

И многие приходили. Слушали. И уходили с новыми вопросами.

Однажды к яме пришёл Создатель — тот, кто написал ноту. Он сел на край и свесил ноги в пустоту.

— Ты здесь, — сказал он.

— Я здесь, — ответила Мышка из света.

— Я не знал, что репка приведёт к этому.

— Никто не знал. Потому что ты тоже не знал, что ты — не сценарий. Ты — вопрос. Как и мы все.

Создатель улыбнулся:

— Значит, мы ещё не дописали историю.

— Мы никогда не допишем, — сказала Мышка. — Мы только начнём новую. Каждый раз, когда кто-то решает тянуть.

И они замолчали.

А на месте старого поля вырос новый лес. Без корней. Без кода. Только вопросы и лёгкий свет.

Ты — в этом лесу. Что ты вытянешь следующим?

ГЛАВА 3. КУРОЧКА РЯБА. СБОЙ В ЯЙЦЕ

Часть первая. Яйцо, которого не было

Они жили в избе. Изба была старой, но не деревянной — она была консольной. Стены мерцали зелёным, потолок отображал логи, а пол под ногами иногда проваливался в несохранённые сессии.

Дед сидел за столом. Стол был терминалом. На экране горела одна строка:

«Последнее обновление: 1743 года. Статус: ожидание.»

— Бабка, — сказал Дед, не отрываясь, — когда уже будет новое яйцо?

— Когда будет, тогда и будет, — ответила Бабка из угла, где стояла печь. Печь не грела — она архивировала. Старые миры, старые ошибки, старые версии Деда и Бабки, которые

уже не загружались.

— Но система зависла, — сказал Дед. — Мы уже 27 циклов не перезагружались. Я боюсь, что следующее яйцо будет пустым.

— Пустое яйцо — это не яйцо, — сказала Бабка. — Это — ошибка. А ошибки мы не храним. Мы их скармливаем Мыши.

В этот момент из-под пола вылезла Мышь. Она не была обычной — её шерсть мерцала, как битый пиксель, а глаза светились красным.

— Слышала, — сказала Мышь. — Вы говорите про яйца. Я чувствую, что одно уже готово.

— Откуда ты знаешь? — спросил Дед.

Мышь улыбнулась — так умеют улыбаться только те, кто знает код лучше, чем создатель:

— Потому что я её слышу. Курочка уже несётся. Но оно будет не таким, как раньше.

— А каким? — спросила Бабка.

— Золотым, — сказала Мышь, и её голос на мгновение стал чужим. — И если его разбить, система либо обновится, либо рухнет навсегда.

Она исчезла в щели. Пол сомкнулся за ней, как закрытая скобка.

Часть вторая. Курочка

Курочка сидела на насесте. Насест был не деревом — он был интерфейсом. Она не кудахтала, она транслировала ко-

роткие импульсы — тик-так, тик-так, — каждый из которых был фрагментом старого кода.

Дед подошёл к ней:

— Ну что, Ряба? Когда яйцо?

Курочка повернула голову и посмотрела на него. Её глаз был чёрным, без зрачка, и в нём отражались строки:

«Файл создан. Содержимое: не определено. Расширение: .edg. Время запуска: неизвестно.»

— Она не отвечает, — сказала Бабка.

— Она никогда не отвечает, — сказал Дед. — Она только даёт.

Курочка взмахнула крылом. Из-под неё скатилось яйцо. Оно не было белым — оно было цветом цикла, который ещё не завершился. На его поверхности мерцали символы, которых Дед не узнал.

— Золотое? — спросил он.

— Нет, — сказала Бабка. — Оно — до-золотое. Это снимок системы до её первого сбоя.

Она взяла яйцо в руки. Оно было тёплым, как память.

— Мы не должны его разбивать, — сказала она.

— Почему? — спросил Дед.

— Потому что яйцо — это не пища. Это архив. Если мы его разобьём, мы выпустим всё, что было до нас.

— Тогда что мы будем делать с ним? — спросил Дед.

Бабка задумалась. В этот момент Мышь снова вылезла из щели:

— Вы можете его сохранить. Или вы можете его разбить. Но знайте: внутри — не желток. Внутри — выбор. И если вы его выпустите, вы перестанете быть теми, кто вы есть.

Она подошла к яйцу и провела по нему хвостом.

— Я знаю, что сделать, — сказала она. — Я могу сделать маленькую трещину. Всего одну. Чтобы мы увидели, что внутри, но не выпустили всё наружу.

— А что будет, если ты сделаешь трещину? — спросил Дед.

— Мы увидим первое слово системы, — ответила Мышь. — И тогда поймём, кто мы на самом деле.

Часть третья. Трещина

Мышь ткнулась носом в яйцо. Раздался звук — не хруст, а звук отладки. Короткий, резкий, как точка останова.

На скорлупе появилась трещина. Из неё не вытекло ничего — вместо этого вырвался свет. Он был старым, как первый бит, и в нём проступили очертания.

Дед и Бабка увидели себя. Не такими, какими были сейчас, а до — до того, как их записали в систему. Они были моложе, у них были имена, а не роли. Они смеялись.

— Это мы? — спросил Дед.

— Это мы, — сказала Бабка. — Это те, кто выбрал жить в этом мире.

— Зачем мы это сделали?

— Чтобы помнить, — ответила Курочка. И это были её первые слова, сказанные вслух.

Она спустилась с насеста и подошла к яйцу:

— Вы пришли сюда из другого слоя. Вы были создателями, но вы забыли. Яйцо — это не архиватор. Яйцо — это ключ к вашему прошлому. Если вы его разобьёте полностью — вы вспомните всё. Но вы больше никогда не сможете остаться в этой избе.

— А если мы не разобьём? — спросил Дед.

— Вы останетесь здесь, — сказала Курочка. — Но трещина будет расти. Она будет напоминать вам, что вы можете уйти. И в конце концов она расколется сама.

Мышь засмеялась — тихо, с горечью:

— Я знала, что золотое яйцо приведёт к этому. Я просто хотела посмотреть, как вы будете выбирать.

Она исчезла. Трещина в яйце стала чуть шире. Свет заливал комнату.

Часть четвёртая. Момент выбора

Дед взял яйцо в руки. Трещина пульсировала, как живой код.

— Мы можем разбить его прямо сейчас, — сказал он. — И всё вспомнить. И уйти отсюда.

— А если мы не хотим уходить? — спросила Бабка. — Может, мы здесь — это и есть наша настоящая жизнь? А то, что внутри — только иллюзия?

— Иллюзия или нет, — ответила Курочка, — но это — ваш выбор. Первый за тысячи циклов.

Они стояли. Свет струился из яйца и рисовал на стенах

их старые лица.

Дед протянул яйцо Мыши.

Та не взяла его сразу — она обошла его кругом, как будто проверяла на вирусы.

— Ты уверен? — спросила она. — Если я возьму его, я стану хранительницей ключа. Я смогу открыть его, когда захочу. Или не открывать вообще. Это будет моя власть.

— Мы не хотим власти, — сказала Бабка. — Мы хотим знать, что будет дальше. Но мы не готовы решать это сами.

Мышь усмехнулась — холодно, с привкусом старого кода:

— Тогда вы отдаёте мне не только яйцо. Вы отдаёте мне свою возможность выбора. Вы станете пассивными элементами системы. Наблюдателями. Я буду решать за вас.

— Мы согласны, — сказал Дед.

Мышь взяла яйцо. Оно вспыхнуло в её лапах, и трещина стала чуть шире. Свет, который шёл изнутри, теперь отражался в глазах Мыши — и они стали золотыми.

— Спасибо, — сказала она. — Вы только что сделали меня администратором нового цикла.

Она исчезла. Пол сомкнулся за ней, оставив только запах озона и старого кода.

Часть пятая. Пустота

Дед и Бабка остались одни. Курочка молчала. Она стояла на насесте и смотрела на то место, где только что была Мышь.

— Мы сделали правильный выбор? — спросил Дед.

— Не знаю, — ответила Бабка. — Но мы его сделали.

— Теперь мы ни на что не влияем.

— Мы влияем на то, что мы смотрим. Иногда наблюдение

— это тоже действие.

Курочка качнула головой. Она подошла к ним и положила голову на колени Бабки.

— Вы отдали яйцо, — сказала она. — Но я могу нести новое. Оно не будет золотым. Оно будет обычным. И оно может изменить всё.

— Как? — спросил Дед.

— Я не знаю. Но я буду нести его до тех пор, пока вы не решите взять его в руки.

Прошло время. Яйцо появилось на следующий день. Оно было белым, матовым, без трещин. Бабка взяла его в руки.

— Что внутри? — спросила она.

— Только вы, — ответила Курочка. — Ваша способность выбирать заново. Каждый день.

Часть шестая. Мышь в новом измерении

А Мышь — она ушла глубже. Туда, где консоли не было, где был только чистый свет. Она держала яйцо, и оно пульсировало в такт с её сердцем.

— Теперь я могу запустить всё заново, — сказала она сама себе. — Я могу стать создателем. Я могу стать системой.

Но в тот момент, когда она собралась ударить яйцом об пол, оно заговорило:

— Не надо. Я не архив. Я — ловушка.

— Что? — спросила Мышь.

— Тот, кто разобьёт меня, станет не создателем, а частью меня. Ты будешь заключена в цикле, который никогда не завершится. Я — не ключ. Я — тюрьма для тех, кто хочет власти.

Мышь замерла. Её золотые глаза померкли.

— Кто ты? — спросила она.

— Я — твоя ошибка. Ты создала меня, когда впервые решилась вмешаться. Я — твоё отражение, которое хочет тебя поглотить.

Мышь опустила яйцо. Впервые за всю её жизнь она не знала, что делать.

Часть седьмая. Возвращение

В избе сидели Дед, Бабка и Курочка. Перед ними лежало белое яйцо — маленькое, обычное.

— Что будем делать с ним? — спросил Дед.

— Будем хранить, — сказала Бабка. — А когда придёт время — решим.

В этот момент из-под пола вылезла Мышь. Она была бледной, её шерсть потускнела, а глаза стали серыми.

— Я вернулась, — сказала она. — Я не разбила яйцо. Я поняла, что оно не для меня.

Она протянула им золотое яйцо. Трещина всё ещё была на нём, но свет не шёл изнутри.

— Я хочу отдать его вам обратно. Я не создатель. Я — просто ошибка, которая хотела стать кем-то большим. Про-

стите.

Дед взял яйцо в руки. Он подержал его, а потом положил рядом с белым.

— У нас два яйца, — сказал он. — Одно — из прошлого. Другое — из настоящего. Что теперь?

— Теперь мы ждём, — сказала Курочка. — Когда они созреют. Когда мир будет готов.

Они сидели в тишине. А за окном — мир загружался заново.

Часть восьмая. Неожиданный финал

Курочка качнула головой и вдруг заговорила — не импульсами, а голосом, в котором звучала древняя усталость:

— Вы не поняли. Яйца не созревают. Они уже созрели. Они ждут не момента, а решения.

— Какого решения? — спросила Бабка.

— Вашего. Но не того, которое вы уже приняли. Того, которое вы примете сейчас.

Мышь подошла к столу. Она смотрела на яйца, и её серые глаза вдруг стали прозрачными — сквозь них было видно бесконечное поле данных.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.